

Лариса Ивановна СИЗИНЦЕВА / Larisa SIZINTSEVA

| Гуманитарные экскурсии нач. XX века. От памяти к истории, от истории к памяти /
Humanitarian Excursions of the early 20th Century. From Memory to History, from History to
Memory |

Лариса Ивановна СИЗИНЦЕВА / Larisa SIZINTSEVA

*Костромской государственной технологической университет, Кострома, Россия
Гуманитарный факультет, Кафедра сервиса и туризма
Доцент, кандидат культурологии**Kostroma State Technological University, Kostroma, Russia
Department of Social and Cultural Service and Tourism
Associate Professor, Ph.D
sizpost@yandex.ru*ГУМАНИТАРНЫЕ ЭКСКУРСИИ НАЧ. XX ВЕКА.
ОТ ПАМЯТИ К ИСТОРИИ, ОТ ИСТОРИИ К ПАМЯТИ

В статье рассматривается обращение к экскурсиям в начале XX в. как способу преодоления кризиса исторического знания рубежа столетий («fin de siècle»). Важным для понимания этого процесса является исследование оттенков смысла, который вкладывался в слова «экскурсант», «экскурсия» и «турист» в разное время. Предпринята попытка выявить российскую специфику условий развития туризма и экскурсий, которые в большинстве случаев не рассматривались как способ извлечения прибыли. Экскурсии нач. XX в. рассмотрены как коммеморативные практики, служащие индивидуальной и групповой самоидентификации участников.

Ключевые слова: экскурсионистика, экскурсия, память, коммеморация, история, Россия.

HUMANITARIAN EXCURSIONS OF THE
EARLY 20TH CENTURY. FROM MEMORY
TO HISTORY, FROM HISTORY
TO MEMORY

The article deals with humanitarian excursions of the early 20th century as means of overcoming historical crisis at the turn of the century («fin de siècle»). An important issue is a study of meaning of the following words “an excursionist”, “an excursion” and a “tourist” at different times. The author of the article attempts to show tourist development and excursions conditions, which were not treated as a way to commercialize. Excursions of the early 20th century are viewed as commemorative practices used for individual and collective self-identification.

Key words: Excursion, Memory, Commemoration, History, Russia.

Воспоминание полностью превратилось в свою собственную тщательную реконструкцию»², – пишет П. Нора, имея ввиду конец XX в.. Однако

²Нора, П. Места памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С.29.

этот процесс начался задолго до его открытия. Хотя tempus plusquamperfectum, реконструированный авторами школьных учебников в конце позапрошлого столетия отличался от нынешнего (в первую очередь убеждением в тождественном во все времена восприятию мира), он приобретал тотальный характер благодаря распространению образования.

Лариса Ивановна СИЗИНЦЕВА / Larisa SIZINTSEVA

| Гуманитарные экскурсии нач. XX века. От памяти к истории, от истории к памяти / Humanitarian Excursions of the early 20th Century. From Memory to History, from History to Memory |

Пиетет перед высушенным слепком с науки, преподносившимся в школах, не позволял подвергать его сомнению. Образ мира прошлого и человека в нем сводился к набору дат и имен в учебнике. «В основе все это было лениво и косно. Было формально и без всякой сути в себе», – писал В.В. Розанов, вспоминая о 1870-х гг.. Знания, усвоенные ради сдачи экзамена, не становились частью собственного сознания: «Стояли какие-то мертвые скелеты, риторические выпренности, и им поклонялись мертвым поклонением высушенные мумии, просто с тусклым в себе “я”, без порыва, без идеала, без “будущего” в смысле мечты и вообще чего-нибудь, отличного от “того, что есть”»³. Впрочем, это уже воспоминания, вызванные впечатлениями от поездки 1907 г.. Изменившаяся жизнь выстраивала новую, контрастную систему координат, новую «рамку памяти». Но в то время, о котором пишет Розанов, еще нельзя было говорить о контрреформах в образовании...

В 1901 г., сравнивая это время с 1860-ми годами, И.Я. Акинфиев писал, сетуя на падение престижа учительской профессии: «в глазах учащегося, которые в большинстве случаев теперь учатся не для своего развития, как было еще недавно, а для получения диплома и нагрудного значка, цена учителя стала измеряться по степени пригодности его в процессе получения все того же диплома»⁴.

Вероятно, именно в качестве протеста против «мертвых скелетов» в отношении к научным знаниям вообще и истории в частности в конце XIX столетия стали организовывать первые гума-

нитарные экскурсии. Здесь самое время разобраться с терминологией.

«Экскурсия (excursion), – определяет современный петербургский теоретик туризма М.Б. Биржаков, – может быть предоставлена как экскурсанту, так и туристу, – кратковременный тематический маршрут с целью посещения достопримечательностей, иных объектов туристского интереса. Экскурсия имеет свои характерные признаки: тематику, упорядоченный маршрут, протяженность во времени, наличие экскурсовода или гида, заранее составленный текст экскурсии, процесс собственного показа, разумеется, подразумевается наличие самих участвующих – стало быть, экскурсантов. Функциональное предназначение экскурсии – досуг и отдых (leisure and pleasure), повышение культурного уровня, общение»⁵. При этом экскурсант путешествует не более суток, а турист – «ночующий посетитель».

За сто лет до этого понятие «экскурсия» употреблялось применительно к поездкам с конкретной целью, безотносительно к длительности поездки. В конце XIX в. экскурсиями могли называть и загородные вылазки, отчасти похожие на пикник⁶, и речные прогулки, и «грандиозное путешествие с 97 учениками на Парижскую всемирную выставку, в Берлин, Дрезден, Прагу, Кельн, Швейцарию, Будапешт и др. города»⁷. Экскурсией считалось и плавание на паруснике по Финскому зали-

³ Розанов В.В. Русский Нил. Розанов В. В. Русский Нил / Подготовка текста, вступительная статья и комментарий В. Сукача [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://webreading.ru/conv/do_rtf.php?name=/books/sci/_sci_history/rozanov_v_russkiy_nil

⁴ Акинфиев И.Я.. Значение общеобразовательных учебных экскурсий // Естествознание и география. 1901. № 4. С.54.

⁵ Биржаков М.Б. Введение в туризм. М.; СПб., 2000. С.110-111.

⁶ Вембер П. Школьные праздники (прогулки) // Русский начальный учитель. 1886. №6-7. С. 331-334.

⁷ Белгородский А.В. Ученические экскурсии. Краткий исторический очерк значения и организации. Изд. 2-е. Б.м., 1916. С. 5-6.

Лариса Ивановна СИЗИНЦЕВА / Larisa SIZINTSEVA

| Гуманитарные экскурсии нач. XX века. От памяти к истории, от истории к памяти / Humanitarian Excursions of the early 20th Century. From Memory to History, from History to Memory |

ву⁸, и подъем в горы, организованный горным клубом⁹.

Таким образом, то, что сегодня ставится во главу угла – продолжительность (не более суток) и текст, поясняющий увиденное или происходящее, – первоначально не только не было определяющими в семантическом поле этого слова, но и вообще не являлось неотъемлемой частью экскурсии. Сегодня применительно к явлениям, стоявшим тогда за этим понятием, мы скорее бы употребили термин «туризм».

На рубеже XIX-XX в.в. этот термин также употреблялся в ином значении. Слово «турист» предполагало праздного путешественника, путешествовавшего для отдыха, не преследующего познавательных или исследовательских целей. Так, в одной из газетных статей этим словом определены горожане, старающиеся укрыться от жары, путешествуя на волжских пароходах¹⁰. Кроме того, определение «турист» предполагало человека назойливого, проявляющего интерес бесцельный и бессмысленный. Неслучайно английский церковный деятель Роберт Френсис Килверт записал в дневнике: «Турист – самое вредное из всех живых существ»¹¹.

Начиная со времени перестройки, туризм в России воспринимается в первую очередь как бизнес, способ извлечения прибыли (государством, регионом, фирмой и т.д.). Возможно, этот смысловой оттенок мешает воспринимать то, что на рубеже XIX и XX столетий называлось ближними и дальними экскурсиями, как развитие социального туризма. В свою очередь отсутствие туризма как

бизнеса сегодня воспринимается некоторыми как отсутствие или неразвитость туристских традиций в нашем отечестве вообще. Между тем рискну утверждать, что именно безвозмездное служение всех участников этой большой работы, движимых идеалами просвещения народа, верой в абсолютную и неоспоримую силу *живых* научных знаний сделало экскурсионное движение феноменом российской культуры конца XIX – первой трети XX в.

Организация экскурсий, действительно, чаще всего велась безвозмездно, затраты экскурсантов старались свести к минимуму. Помимо учащихся, в зоне внимания организаторов оказывались «недостаточные» слои интеллигенции. Так, объявляя маршруты на 1911 г., Комиссия экскурсий образовательных экскурсий при Московском представителе Российского Общества туристов оговаривала, что принимаются только «лица, не обладающие настолько достаточными материальными средствами, чтобы совершать образовательные экскурсии самостоятельно». Имелся ввиду «необеспеченный материально контингент русской интеллигенции, и, главным образом, учащихся народной школы и служащих в общественных (земских и городских) и других учреждениях»¹².

Между тем размах школьного экскурсионного движения охватывал всю страну. Этому способствовали циркуляры Министра народного просвещения, который 2 августа 1900 г. отменил прежнее распоряжение 1873 г. о летних работах учеников. Вместо этого были рекомендованы «образовательные прогулки, путешествия или какие-либо полезные занятия и развлечения, возможные при данных условиях»¹³.

⁸ Колокольцева Н.Г. К истории отечественной экскурсионной школы : реферативный обзор публикаций второй половины XIX – начала XX в. / НИИ культуры. М. 1992. С. 48.

⁹ См., напр.: Записки Крымского горного клуба. Одесса, 1892. Вып. 2.

¹⁰ Туристы на Волге // Поволжский вестник. 1907. № 373. 8 июля. С. 3.

¹¹ Цит. по: Museum. 1999. № 199. С. 3.

¹² Правила записи // Русский турист. Бюллетень Российского Общества туристов. 1911. Март-апрель. С.13.

¹³ Циркуляр Г. Министра Народного Просвещения Попечителям Учебных Округов от 2 августа 1900 г. за № 20185 // Школьные экскурсии, их значение и организация: Сб. науч.-пед. статей / под ред. Б.Е. Райкова. Пг., 1921. С. 319.

Лариса Ивановна СИЗИНЦЕВА / Larisa SIZINTSEVA

| Гуманитарные экскурсии нач. XX века. От памяти к истории, от истории к памяти / Humanitarian Excursions of the early 20th Century. From Memory to History, from History to Memory |

При этом среди прочих «занятий и развлечений» прогулкам и путешествиям отводилось особенное место: «Особое внимание Ваше, Милостивый Государь, – обращался Министр к попечителям учебных округов, – прошу обратить на прогулки и путешествия с образовательной целью, в надежде, что с течением времени, когда опыт даст необходимые практические указания, этим материалом можно будет воспользоваться для выяснения вопроса о том, не следует ли такие прогулки и путешествия ввести в более широких размерах, как средство, способное сделать преподавание в средней школе более живым и наглядным. В виду сего покорнейше прошу Ваше Превосходительство доставлять в Министерство ежегодно сведения об образовательных прогулках и путешествиях и об условиях, в которых они проходили»¹⁴.

Позже законодательная база развития школьных экскурсий была дополнена еще одним циркуляром. В нем предписывалось начальникам средних учебных заведений «доставлять начальству Московского Учебного Округа ежегодно и не позднее 1го ноября в двух экземплярах отчеты о предпринятых учащимися, под руководством наставников, экскурсиях, с описанием последних, составленные кем-либо из участников, а также сведения о том, что сделано в учебных заведениях относительно указаний, изложенных в означенном предложении Министерства за № 18066»¹⁵.

9 марта 1902 г. был введен специальный тариф № 6900 на проезд учащихся, отправляющихся в образовательные экскурсии. Он касался всех железных дорог Российской империи, которые предоставляли школьным группам значительную скидку в вагонах 3 класса, а при проезде на рас-

стояние до 50 км. он вообще был бесплатным¹⁶. Некоторые пароходные компании также делали скидки экскурсантам. Собственно, эта практика существовала и в Европе, – именно благодаря подобной скидке и состоялась первая железнодорожная экскурсия Т.Кука.

В то же время в России подготовка поездки требовала оформления большого количества документов, необходимо было предоставлять списки и высылать их заранее губернаторам¹⁷, для предварительной проверки благонадежности участников поездки. Поскольку предписание это часто нарушалось, то циркуляр был дополнен еще одним, № 558 от 8 августа 1912 года – ввиду сообщения Департамента Полиции о замедлении в предоставлении списков, оказывавшихся у губернаторов «иногда даже одновременно с прибытием экскурсантов». Это, по словам циркуляра, ставит местную администрацию «в весьма затруднительные условия в смысле регистрации неблагонадежных лиц, могущих оказаться в числе участников экскурсий»¹⁸. Трудно было как организаторам поездок, так и официальной «принимающей» стороне, но это не останавливало ни тех, ни других.

Благодаря всему этому на рубеже XIX-XX вв. школьные путешествия, в первую очередь в

¹⁴ Там же.¹⁵ Циркуляр попечителя МНП №17528 от 1904, 20 августа – начальникам средних учебных заведений МУО «О правильной постановке физического развития учащихся и обустройстве для них образовательных прогулок и путешествий» // Государственный архив Костромской области (далее – ГАКО). Ф.429. Оп.1. Д. 317. Л. 336.¹⁶ Долженко Г.П. История туризма в дореволюционной России и СССР. Ростов н/Д., 1988. С. 52.¹⁷ Циркуляр Попечителя Московского Учебного округа №32540 от 1911, 21 сентября, «О заблаговременном предоставлении губернаторам списков лиц, отправляющихся в образовательные экскурсии от высших и средних учебных заведений, а также списков городов, «кои экскурсанты предполагают обозреть» // ГАКО. Ф. 429. Оп.1. Д. 334. Л. 109.¹⁸ Циркуляр Попечителя Московского Учебного округа № 17765 от 1912, 5 июня «О необходимости заблаговременно уведомлять губернаторов о проведении экскурсий с приложением списка городов, учреждений, предположенных к посещению и списков участников экскурсии (циркуляр №121 от 11 февраля 1911 г. Министра Народного просвещения). Дополнено циркуляром № 558 от 8 августа того же года // ГАКО. Ф. 429. Оп.1. Д. 334. Л. 163.

Лариса Ивановна СИЗИНЦЕВА / Larisa SIZINTSEVA

| Гуманитарные экскурсии нач. XX века. От памяти к истории, от истории к памяти / Humanitarian Excursions of the early 20th Century. From Memory to History, from History to Memory |

столичные города и исторические центры, приобретают такой размах, что власти предпринимают меры, ограничивающие посещение их школьными группами, особенно в дни торжеств, совпадающие со школьными каникулами.

Подобные циркуляры Попечителя Московского Учебного округа предписывают, например, извещать начальство Троице-Сергиевой лавры за 2-3 дня о времени экскурсии разных учебных заведений и количестве посетителей, чтобы избежать сложностей с предоставлением помещения и удовольствием. Запрет касался посещений в престольные праздники – Троицу, Успение, дни памяти преподобного¹⁹. Ограничить неконтролируемый поток ученических групп призвана была Киевская экскурсионная комиссия в связи с проведением летом 1913 г. Всероссийской выставки²⁰ и т.д.

Особенно страдали от экскурсионных потоков власти Москвы и Петербурга, куда в каникулярное время отправлялись школьники всей Российской империи. Именно для того, чтобы регулировать и координировать экскурсионную деятельность и была создана Центральная экскурсионная комиссия при Московском учебном округе. В Петербурге эту функцию выполняло Бюро по содействию иногородним экскурсиям средней школы при С.-Петербургском родительском кружке²¹.

Музеи становились неотъемлемой частью таких экскурсий. Так, во время поездки в Москву и в Троице-Сергиеву лавру в 1907 г. ученики костромского городского училища побывали за 4 дня в Историческом, Румянцевском, Политехническом музеях, посетили музей при Строгановском учи-

лище «с замечательной коллекцией китайских и японских вещей, Третьяковскую галерею, Зоологический сад; Кремлевские храмы, дворцы, оружейная палата, храм Христа Спасителя»²². Кроме того удалось посмотреть два театральные спектакля. «Во время пребывания в Москве имелось весьма удобное помещение в Строгановском художественно-промышленном училище, где для экскурсантов готовился прекрасный обед за весьма недорогую плату»²³.

Подобная программа, чрезвычайно насыщенная, становилась нормой для экскурсий провинциалов в столицы. Вот, к примеру, путешествие в Москву учениц Галичской женской гимназии, предпринятое в 1911 г., по продолжительности составляло 8 дней, но двое суток из них приходилось на переезды. За шесть дней пребывания в Москве предполагалось посетить 12 музеев, не считая экскурсии по городу, посещения храмов и театров²⁴.

В следующем году была организована экскурсия учениц той же Галичской гимназии в Санкт-Петербург. На экскурсию предполагалось затратить 10 дней, из которых 8 отводилось для осмотра достопримечательностей. Программа включала:

- « в 1 день – Александрово-Невская Лавра
- во 2 – Соборы: Казанский, Исаакиевский, Петропавловский и дворцы
- в 3 – Монетный двор
- в 4 – Императорский Эрмитаж
- в 5 – Музей Императора Александра III
- в 6 – Стекланный и Фарфоровый императорские заводы
- в 7 – Музей Академии Художеств
- в 8 – общий осмотр города»²⁵.

¹⁹ ГАКО.- Ф. 429.- Оп.1. -Д. 334. -Л.64.

²⁰ Циркуляр Попечителя Московского Учебного округа № 23285 от 1913, 7 июня «О создании Комиссии по приему ученических экскурсий при Киевском учебном округе в связи с проведением текущим летом Всероссийской выставки» // ГАКО. Ф. 429. Оп. 1. Д. 334. Л. 161.

²¹ Школьные экскурсии, их значение и организация..., с. 273.

²² Экскурсия учеников VI класса Костромского Городского училища в г. Москве и Троице-Сергиевой Лавре// Поволжский вестник. - 1907. - №326. - 6 мая. - С.3.

²³ Там же.

²⁴ ГАКО. Ф.1099. Оп.1. Д.17. Л.173-173 об.

²⁵ ГАКО. Ф. 1099. Оп.1. Д. 18. Л. 127.

Лариса Ивановна СИЗИНЦЕВА / Larisa SIZINTSEVA

| Гуманитарные экскурсии нач. XX века. От памяти к истории, от истории к памяти / Humanitarian Excursions of the early 20th Century. From Memory to History, from History to Memory |

Однако ценность путешествия, столь богатого впечатлениями, была довольно низкой: предварительная проработка вопросов истории городов, подготовка к восприятию объектов осмотра не проводились, количество информации было огромным, но воспринять и запомнить все это вряд ли было возможно. На первый план выходило ощущение того, что соприкосновение с тем или иным памятником, явлением культуры, городом, музеем состоялось – «я там был»...

Несколько более были подготовлены ближние экскурсии – в Нижний Новгород, Ярославль, Ростов Великий, Переславль-Залесский. Количество объектов осмотра было значительно меньше, пояснения давались преподавателями, которым удавалось использовать сведения, полученные учащимися на уроках истории и словесности²⁶.

Учащиеся *начальных школ* стремились к «достопримечательностям» ничуть не менее остальных. Преподаватель детского Ярославского приюта К. Студитский в своей статье «Пешком к Ипатию» описывает впечатления от экскурсии, предпринятой им вместе с воспитанниками. Поднимались на ступени палат бояр Романовых: «[...] повеяло стариной. Смотрю, дети с каким-то благоговением поднимаются по ступенькам лестницы, так и видно, что в их детских головах проносятся мысли о старине: [...] что они в «дворец» идут, а не просто в дом»²⁷. В статье не указан возраст воспитанников, их информированность о событиях российской истории, но из контекста понятно, что автор предварительно рассказывал о роде Романовых, о событиях Смуты. И все же впечатления маленьких экскурсантов касались не столько пережи-

вания событий прошлого, сколько трепетного осознания важности события настоящего. Разрыв между исторической информацией, предлагаемой автором статьи и его описанием детского восприятия – та самая «дистанция между памятью целостной, диктаторской и не осознающей самое себя, спонтанной, все организующей и всемогущей, памятью без прошлого, которая вечно возвращает наследие, превращая прошлое предков в неразличимое время героев, в начало мира и мифа, – и нашей, которая есть только история, след и выбор», о которой пишет П. Нора²⁸.

Дистанция эта видна далеко не всегда. Описание восприятия «достопримечательностей» детьми начальной школы чаще позволяет судить о мотивации преподавателя: «Господи, да это целая живая история!.. Все осматривается с большим интересом, ученики возбуждены и в восторге»²⁹.

Финансовый вопрос организации экскурсий в Германии, где им также придавалось большое значение, решался благодаря поддержке многочисленных местных благотворительных обществ, органов местного самоуправления, родительских союзов, местных касс и т.д., что и позволяло использовать школьное экскурсионное движение для извлечения пусть и небольшой, но прибыли. В России эти формы не получили такого широкого распространения даже *в средней школе*. Интересный выход нашла дирекция Тенишевского училища в Петербурге: родительские взносы накапливались постепенно и расходовались предельно экономно.

Несмотря на то, что родители учащихся были, как правило, небогаты, денежный взнос по 2 рубля в полугодие составлял неперемное условие обучения в училище. Эти деньги можно было ист-

²⁶ ГАКО. Ф. 429. Б/ш. Д. 41. Л. 94 об.; Оп. 1. Д. 371. Л. 1 – 1 об., 6-7 об., 17-19 и др. Жданов В. Отчет об экскурсии в Нижний-Новгород // Педагогический ежегодник Костромской общественной мужской гимназии за 1912-13 учебный год. Кострома, 1913. С. 152-154.

²⁷ Студитский, К. Пешком к Ипатию: экскурсия в луга Ярославского детского приюта // Русский экскурсант. 1915. № 5. С. 295-297.

²⁸ Нора, П. Места памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 18-19.

²⁹ Ардаматский И. Поездка в Москву Духовщинского городского по Положению 1872 г. Училища // Естествознание и география : Научно-популярный и педагогический журнал. М. 1902. № 6, август. С. 48.

Лариса Ивановна СИЗИНЦЕВА / Larisa SIZINTSEVA

| Гуманитарные экскурсии нач. XX века. От памяти к истории, от истории к памяти / Humanitarian Excursions of the early 20th Century. From Memory to History, from History to Memory |

ратить только на экскурсии, которые на первых годах обучения почти не тратились в силу преобладания ближних экскурсий, а к старшим классам накапливалась определенная сумма, которой хватало на дальние поездки³⁰. При этом школьники могли ночевать в сараях, пустующих школьных классах, – было достаточно соломы. Позже подобные приемы практиковали и в других средних учебных заведениях.

Одним из ведущих центров развития образовательных экскурсий стало Санкт-Петербургское восьмиклассное коммерческое училище в Лесном. Оно было открыто 14 сентября 1904 г., первоначально – как мужское, в составе трех классов, а с 1906 г. туда стали принимать и девочек³¹. В нем преподавали педагоги, позже ставшие ведущими экскурсионистами страны – А.Я. Закс, Б.Е. Райков, Н.М. Соколов, В.А. Герд, И.М. Гревс и т.п.

Б.Е. Райков, проработавший в Лесном более десяти лет, с 1905 по 1917 г.г., позже сформулировал основные принципы организации экскурсий в училище, которые были предложены как образец для всех учебных заведения страны.

Главным тезисом стало положение о тесной связи их со школьной программой. «Экскурсия должна находиться в теснейшей связи с тем учебным материалом, который преподан на уроках, – писал он. – Задачей преподавания является или иллюстрирование и дополнение сведений, уже усвоенных учащимися, или сообщение им такого запаса личных впечатлений и наблюдений, которые в

ближайшее время будут переработаны в классе, как подлежащий изучению материал»³².

При подготовке экскурсии важно определение ее цели: «Каждая экскурсия должна иметь совершенно определенное задание [...] «разбрасывание» на экскурсии или построение ее на случайном материале – прием совершенно непозволительный, который может дать самые печальные результаты. [...] руководитель должен быть настолько знакомым с данной местностью и вообще расположением тех объектов, которые он собирается показывать, чтобы заранее построить и разработать во всех деталях тему экскурсии»³³.

Экскурсии были обязательными для всех учеников и отношение к ним ничем не должно было отличаться от отношения к классным занятиям. Экскурсионной комиссией, которая была создана в училище во время его организации, был разработан план экскурсий. Их количество колебалось от 5 экскурсий (в первом классе) до восьми (с третьего по восьмой) в год. План предполагал ближние (по городу и ближайшим пригородам) и дальние (Север, Урал, Малороссия, Кавказ, Польша и т.д.) экскурсии.

«Следуя этому плану, – продолжал Б.Е. Райков, – каждый выпуск учащихся в течение всего учебного курса продельвает 60 экскурсий, из них 56 однодневных и 4 многодневных. Из этих 60 экскурсий – 9 проводятся в окрестностях Лесного, в непосредственной близости к зданию школы, 40 ставятся в пределах С.-Петербурга, и, наконец, 11 происходят вне городской черты и связаны с передвижением по железной дороге»³⁴.

³⁰ Райков Б.Е. Экскурсионный план средней школы // Школьные экскурсии, их значение и организация: Сб. науч.-пед. статей / под ред. Б.Е. Райкова. Пг., 1921. С. 100-101.

³¹ Ежегодник С.-Петербургского восьмиклассного коммерческого училища в Лесном. 1908 год. СПб., 1908. С. 23 (Пагинация 2).

³² Райков Б.Е. Экскурсионный план средней школы // Школьные экскурсии, их значение и организация: Сб. науч.-пед. статей / Под ред. Б.Е. Райкова. Пг., 1921.

³³ Там же. С. 90.

³⁴ Там же. С. 99.

Лариса Ивановна СИЗИНЦЕВА / Larisa SIZINTSEVA

| Гуманитарные экскурсии нач. XX века. От памяти к истории, от истории к памяти /
Humanitarian Excursions of the early 20th Century. From Memory to History, from History to
Memory |

В Тенишевском училище еще в 1902 г. была совершена поездка в Киев³⁵. Однако в ту пору подобные экскурсии носили «несколько экспромтный характер», а сами местности «представляли для самих руководителей своего рода terra incognita»³⁶. Со временем преподаватель и сам более тщательно стал готовить будущую экскурсию, прорабатывая курс с учетом будущих выездов, выстраивая логику поездки в соответствии с программой. История сначала входила в жизнь школьника слепком, схемой, а уже потом «оживала», становилась собственным впечатлением и позже памятью.

Иногда сам преподаватель предварительно давал разъяснения. Так, преподаватель А. Сахаров предвещал посещение Третьяковской галереи небольшой беседой. В ней давал характеристику собрания, выделял специфические черты живописи представленного там периода, такие, как «аскетически-суровый, строгий», «гуманитарно-психологический характер»³⁷, связь с литературой Гоголя, Тургенева, Толстого, Достоевского.

Однако сам осмотр экспозиции ничем не напоминал современных экскурсий. «В дальнейшем обзоре следует индивидуальное знакомство с художниками; бродим вместе и в рассыпную; одни восхищаются Васнецовым, другие «кровью» у Репина, третьи спорят о «художестве» Верещагина. Suum cuique. Главное же, не следует утомляться на мелочах, а прямо обратиться к обозрению достопримечательностей галереи... Попутно я всегда делаю экзамен по портретам в знакомстве с замечательными деятелями России»³⁸.

Но поездки часто захватывали незнакомые провинциальные собрания, а там впечатления и польза во многом зависели от того, кто давал пояс-

нения в каждом из них. Большею частью музеи не имели штата сотрудников, создатель и хранитель музея сам встречал группы и давал пояснения. В Ростове Ярославском тенишевцев встретил сам основатель древлехранилища, Шляков: «мы были очарованы его любовью к родной старине, энергичной работой над ее восстановлением»³⁹.

В киевском историческом музее пояснения давал директор Беляшевский, «увлекающийся, главным образом, археологией. С любовью и знанием дела нарисовал он нам развитие культуры края от ее зачатков до настоящего времени. Из зала в зал, от витрины к витрине водил он нас, обращая внимание на все, что могло охарактеризовать рисующую им эпоху»⁴⁰.

Таким образом, учащиеся средних учебных заведений, в большей мере усвоившие заданные «кадры» памяти, овладевшие языком науки, воспринимали экскурсии как дополнительную информацию, запускавшую «пленку усвоенных сюжетов».

Иначе было *в высшей школе*, и наиболее показательными в этом отношении можно считать «итальянские экскурсии» И.М. Гревса.

Дистанцию и связь между письменной историей и живой памятью И.М. Гревс (1860-1941), впервые осознал во время работы над диссертацией «Очерки из истории римского землевладения» (1899). Его поездка в поместье Горация на Сабинской земле, описанная в соответствующей главе монографии, была вызвана не праздным интересом туриста, но потребностью исследователя в изучении историко-культурного ландшафта. Он писал после поездки: «Великими добавочными пособиями для истолкования того, что говорят вещественные памятники прошлого, являются природа и люди; ландшафт и топография, рельеф и одежда земли, ее дары, солнце, воздух, горы и море, – с одной стороны, открывают фон искомой картины,

³⁵ Образовательные поездки в средней школе / Тенишевское училище. Изд. 2-е, перераб. СПб.: тип. «Общественная польза», 1912. С.15.

³⁶ Там же. С. 10.

³⁷ Там же. С. 253.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 266.

⁴⁰ Там же. С. 305.

Лариса Ивановна СИЗИНЦЕВА / Larisa SIZINTSEVA

| Гуманитарные экскурсии нач. XX века. От памяти к истории, от истории к памяти /
Humanitarian Excursions of the early 20th Century. From Memory to History, from History to
Memory |

современное население многими пережитками прошлого в нынешнем его быту оживляет, с другой, окаменелости вековой старины»⁴¹.

Фразы, казавшиеся загадочными в древних манускриптах, оживали благодаря диалектизмам местного населения. Произошло столкновение устной и письменной традиции, причем сознательно сформированная поколениями ученых и особым образом измененная культурная память оказалась беднее естественной устной традиции.

Первый опыт укрепил молодого ученого и педагога в мысли «о полезности исторических экскурсий, как фактора научного труда юношества в студенческую фазу жизни»⁴². Поездки начали осмысляться как необходимое звено гуманитарных исследований: «Их целесообразность определено и властно указывается сама по себе одним из непрекаемых принципов научно-исторического исследования: требованием **документального** (в данном случае – **монументального**) изучения, обращения к источникам, подлинным следам старины»⁴³. Само тело города, его план, его здания и монументы воспринимаются (а во время поездки и переживаются) как исторический источник, наполняя эмоциями сухие схоластические схемы.

И.М. Гревс вывел экскурсии на новый содержательный уровень, уровень исследования. В течение целого учебного года в ходе совместной работы студентов Петербургского университета и слушательниц Бестужевских курсов шла подготовка к поездке в Италию. Были прослушаны лекции по истории городов, их культуре, об общей культурной ситуации в эпоху раннего средневековья. Параллельно велась работа в семинариях, где будущие участники поездки под руководством И.М. Гревса изучали документы, средневековые

хроники, литературные произведения. Это была история традиционная, основанная на письменных источниках. История возникала из живых реликтов памяти, одушевлялась участниками будущей поездки.

Примечательным можно считать именно совместную работу над материалом, в ходе которой создавалась группа «посвященных», владевших общим информационным «тезаурусом», объединенных общей системой ценностей. Они не просто обменивались информацией, но каждый одухотворял свою часть, поскольку избирал то, что казалось ему в тот момент более близким. Это и было тем самым сообществом, которое определяло концептуальные структуры, поддерживавшие личные воспоминания – «социальную рамку памяти»⁴⁴.

Поездка в Италию, состоявшаяся в 1907 г., стала продолжением работы, начатой в «лабораторных» условиях семинария. Заранее был продуман маршрут, изучены карты и планы, проработана литература. На месте после общего знакомства с городами сразу начиналась углубленная исследовательская работа, в ходе которой вырабатывались принципы изучения города как огромного монументального источника, – постигалась логика его развития, влияние на него природных, социальных, экономических и культурных факторов. Там же впервые зашла речь и о «психологии города».

Город постепенно осознавался как органическое целое, сформированное местными условиями в течение его истории. Исследовательской задачей становилось постижение этого процесса в его ретроспекции. Но история, помимо объективного знания, была наполнена живым опытом участников группы. Причем пребывание в каждом городе сознательно выстраивалось таким образом, чтобы индивидуальные впечатления сверялись с общими, пробуждали интуицию остальных, закре-

⁴¹ Гревс И. М. К теории и практике «экскурсий» как научного изучения истории в университете. СПб., 1910. С. 11.

⁴² Там же. С. 25.

⁴³ Там же. С. 9.

⁴⁴ См.: Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М. 2007; Хаттон П. Х. История как искусство памяти. СПб. 2004.

Лариса Ивановна СИЗИНЦЕВА / Larisa SIZINTSEVA

| Гуманитарные экскурсии нач. XX века. От памяти к истории, от истории к памяти / Humanitarian Excursions of the early 20th Century. From Memory to History, from History to Memory |

плялись в совместной практике. Утром осматривали храмы, за утренним чаем отдыхали и «тут же за столом в кафе устраивали лекции по истории города и его топографии, либо по какому-нибудь вопросу из истории искусств». После того, как в течение дня целенаправленно осматривали музеи и различные части города, за ужином «отдавали себе отчет в сделанном за день, строили планы следующего дня»⁴⁵.

Главным приемом, который был использован в обследовании городов, была реконструкция, опирающаяся на сохранившиеся здания: «Эти работы закончились у нас очерком “дантовой Флоренции” и посещением на местах главных пунктов “дантова угла”, где стоял его отчий дом, возвышались дома его родных и друзей, где протекали его детство и ранняя юность [...] Этот живой кусок из старо-флорентийского центра хорошо сохранился до сих пор, несмотря на все перипетии перестройки города, и на нем с поражающим реализмом можно восстановить обстановку, среди которой развивалась жизнь великого поэта и мыслителя...»⁴⁶.

Как в классической мнемотехнике, реконструируемое пространство становилось основой для воспоминаний о том, было усвоено во время подготовительной исследовательской работы, а полученный в результате наложения научных схем на живую плоть города образ присваивался и сохранялся лишь в памяти путешественников⁴⁷. Результатом этой работы становилось не создание научных текстов, а формирование образов прошлого, у каждого из участников поездки – своего, в зависимости от темперамента, научных склонностей и увлечений. Формировалась живая память,

которую участники поездки передали в живом общении следующему поколению учеников И.М. Гревса.

Следующая подобная поездка в Италию состоялась в 1912 г. Участники первой поездки были привлечены учителем и в этот раз, – Л.П. Карсавин напутствовал отъезжавших, Н.П. Оттокар сопровождал их во Флоренции. Последний, осуждая излишнюю экзальтацию, продемонстрировал то, что ставилось И.М. Гревсом во главу угла: «Это историк-реалист, и притом реалист, который не ищет в исторических фактах ничего для себя желанного, им любимого, для которого существенно одно – познать действительность, скрытую под покровом времени [...] При всем том Н.П. Оттокар – историк-художник, с замечательным мастерством воссоздающий суровую картину средневековья, со всеми ее деталями, выписанными с тщательностью кватрочениста»⁴⁸. Так память, разбуженная в годы ученичества, дополненная собственными изысканиями, передавалась изустно последующим поколениям.

Но, как и в прошлый раз, подготовка к поездке началась задолго до отъезда. Подробно этот процесс описан участником его Н.П. Анциферовым. Был использован прием медленного совместного чтения. Разбирали по фразам, по понятиям трактат Данте «Монархия». Рассматривали, какой смысл вкладывался Данте в то или иное понятие, как он изменялся в зависимости от контекста. «Так приучались мы Иваном Михайловичем понимать скрытый смысл языка человека иных времен, иной культуры. Так отучались мы от произвольного вкладывания в чужие слова своего содержания»⁴⁹.

Как и в поездке 1907 г., на первый план выходили исторические реконструкции. Они касались не только средневековой или ренессансной топографии, но и свойственных прошлому переживания-

⁴⁵ Гревс И. М. К теории и практике «экскурсий» как научного изучения истории в университете. СПб., 1910. С. 49-50.

⁴⁶ Там же. С. 52-53.

⁴⁷ См.: Хаттон П.Х. История как искусство памяти. СПб., 2004; Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб., 1997; Йейтс Ф. Джордано Бруно и герметическая традиция. М., 2000.

⁴⁸ Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания. М., 1992. С. 291.

⁴⁹ Там же. С. 278.

Лариса Ивановна СИЗИНЦЕВА / Larisa SIZINTSEVA

| Гуманитарные экскурсии нач. XX века. От памяти к истории, от истории к памяти / Humanitarian Excursions of the early 20th Century. From Memory to History, from History to Memory |

ний: «К Венеции мы подъехали вечером. [...] Напряженно глядим налево, там, где в глубине, над дворцами, должна появиться Кампанилла Сан-Марко. Венецианские купцы, возвращаясь после многих лет странствий по Леванту, пристально всматривались в туманную, голубовато-лиловую даль. Они ждали, когда над горизонтом покажется колокольня святого марка, как величавый маяк прекрасной Венеции, царицы морей»⁵⁰.

Особенно ярко описан эпизод, когда учитель и ученик пришли в мавзолей Галлы Плакиды ночью с зажженными свечами. «Та ночь была звездной. Мы вошли в Мавзолей, прикрепили черини к трем саркофагам, зажгли, а вслед за тем засветили свечи в своих руках. Теперь нежным ровным светом озарились своды. Купол словно стал выше, и его снежные звезды как бы повисли в воздухе. Появилось много нежнейших оттенков на мозаике с добрым пастырем. Переливы всех тонов стали богаче...»⁵¹

В 1920-е гг. из всех учеников Гревса лишь немногим удалось реализовать свой научный потенциал. Среди них – О.А. Добиаш-Рождественская, Л.П. Карсавин, Н.П. Оттокар. Новое время не способствовало зарубежным поездкам, и сам И.М. Гревс переключился на вопросы экскурсионистики, был активным деятелем Центрального бюро краеведения, стал одним из создателей Петроградского экскурсионного института, среди сотрудников которого заметную роль играли участники поездки 1912 г. Н.П. Анциферов, Г.Э. Петри.

В самые трудные годы гонений воспоминания о той поездке поддерживали дух участников

тех поездок. «В эпохи кризисов великих культур особенно остро пробуждается сознание содержащихся в них духовных ценностей, особенно ярко поднимается чувство любви к ним и вместе с тем желание и жажда хранить их и защищать. Город – один из сильнейших и полнейших воплощений культуры...» – писал И.М. Гревс в предисловии к книге своего ученика, Н.П. Анциферова, «Душа Петербурга»⁵². А подготовленные, но живые впечатления оказались одним из путей к постижению этой культуры.

Таким образом, можно говорить об экскурсиях начала XX в. как коммеморативных практиках, во многом определявших изначальным ощущением участников себя в потоке времени. Младшие школьники, наделенные «памятью целостной, диктаторской и не осознающей самое себя», превращали «прошлое предков в неразличимое время героев», испытывая священный трепет от соприкосновения с мифом. Учащиеся средних учебных заведений, в большей мере подготовленные учителями, овладевшие языком науки, воспринимали экскурсии как того и хотели преподаватели, – как живое учебное занятие, помогавшее лучше усвоить пройденный материал. Для студентов экскурсии становились творческим актом, далеко не всегда приводившим к созданию монографий.

В целом небывалый размах экскурсионного движения начала XX в. был вызван уже тогда надвигавшимся кризисом истории, не желавшей становиться памятью.

⁵⁰ Там же. С. 282-283.⁵¹ Там же. С. 289.⁵² Гревс И.М. Предисловие // Анциферов Н.П. Душа Петербурга. Пд., 1922. С.9.